

Интервью Шамиля Басаева Андрею Бабицкому, показанное американским каналом ABC 28 июля 2005 года

Андрей Бабицкий: Если позволишь, начну с Дагестана, потому что до сих пор это очень болезненные вопросы. Мне приходилось слышать не один раз, что ты принес войну на чеченскую землю.

Шамиль Басаев: Когда-то мулле Насреддина спросили: «Грех ли болтать о том, чего не знаешь?». Тогда мулла ответил: «Болтать не грех, было бы кому слушать». Люди слушают, поэтому многие и болтают чего не знают.

В Дагестане война началась от того, что она была подготовлена спецслужбами России. И в качестве начальной приманки, они заманили туда дагестанца Багауддина, который жил в Чечне, в Урус-Мартане как беженец, мухаджиром, как он себя называл. И начали приезжать к нему с весны по лето 1999 года разные делегации из Дагестана. И начали ему говорить, мол, давай возвращайся домой, в свой район. Вон, Карамахи, Чабанмахи – там тоже позволяем им жить по шариату, как они этого хотят, но главное – власть России признавайте. Вам ничего не говорят, чего ты там у чеченцев в гостях сидишь? Домой возвращайся. Кто тебя не устраивает, кто тебя держит, кто тебе не разрешает?

И вот на основе этого, под конец, он, – а мы его отговаривали в начале, – в конце июля ушел в Цумадинский район, это была его родина. И с ним человек где-то 200 дагестанцев, все ушли. Тогда они туда уже пришли, то следом сразу началась провокация. Они пошли со своим оружием, вещами, словом, насовсем ушли. Туда они подтянули милицию, еще десант и вроде ОМОН вызвали, но мелкие группы, как говорят, чтобы только раздражить. Потом у них пару стычек произошло, и после этого крупные войсковые части подтянули, по горам десант посадили, и их окружили. И конкретно там уже бой начался, который был началом войны. И они к нам, ко мне и к Хаттабу, прислали людей, делегатов, и попросили помощь.

Мы собрались, все командиры, много собралось, совещание сделали – маджлис, и решили, что это наш долг – им помочь, и мы пошли. Через два дня, где-то около 15 амиров, мы пошли над Ансалтой, у нас там был пограничный пост, вагончик стоял на высоте. Поехали туда на машинах, сверху эту местность осмотрели один день. На второй день, был Ахмадов Хута, хороший муджахид, амир, с ним мы вдвоем поехали, маскировочные халаты одели, спустились вниз, посты там милицейские были, мы их проверили, пути, дороги, все облазили, все у них разведали и уже на третий день мы туда зашли. Мы план составили: отрезать дорогу Ботлих-Цумада, создать угрозу захвата Ботлиха, чтобы оттуда войска оттянуть.

Туда мы зашли порядка 500 человек. И еще отдельно три группы 150 человек – их мы послали через Шарой сверху, туда, в сторону окруженного Багауддина, чтобы они сверху десанта сели, чтобы делать на них давление, чтобы прорвать окружение. Через десять дней примерно, они вышли из окружения, потому что оттуда даже два десантных батальона вниз спустилось, у них была паника. Мы практически добились чего хотели. И как они вышли из окружения, через день мы оттуда ушли. Если бы мы хотели сделать «нападение на Дагестан», мы бы заранее подготовились, а не ждали, пока русские туда подтянут четыре батальона мотострелковых, два десантных батальона, еще перед этим рота была, еще артиллерия и ОМОН, СОБР, МВД, пока все эти силы туда не придут. У нас мобильность была. Ну, в общем, так пришли мы в Дагестан.

Потом пришли во второй раз, когда в Карамахи и Чабанмахи началась бойня. Правда, когда мы раньше в Ботлих зашли, я приехал домой, предварительно поручил своим заместителям созвать дагестанцев, карамахинцев и других, кто более или менее там был. И у меня дома мечеть была, там мы собрались, примерно через четыре или пять дней после того, как мы зашли в Ботлих. Собрал я их и сказал: «Давайте, так получилось, что все это началось, это целенаправленная работа русских, и если вы не подниметесь, то вас завтра раздавят». А карамахинцы сказали, что у них договор заключен со Степашиным, у них нейтралитет и все такое. Я сказал: это не нейтралитет, вас как жертвенных баранов сейчас просто раскормили. Поймите,

завтра с вас начнут. На что они ответили, что не могут нарушить договора. Ну ладно, я говорю, мы же тоже не от хорошей жизни пошли, не можем мы так тупо сидеть.

Потом в Карамахи это началось. И карамахинцы к нам прислали делегацию, помощи просили. Сперва мы отказали им. У меня дома они были. Я сказал: «У вас же договор был со Степашиным. Если мы во второй раз если пойдем в Дагестан, то в Чечне точно война будет, точно русские зайдут. Тем более, мы вас предупреждали». Они ушли и через день опять пришли и сказали: помогите, у нас около 700 женщин и детей, русские их не выпускают, они их убивают, мужчины сражаются. Тогда мы опять посовещались. Через пару дней вот так практически операцию сделали. Многие предлагали в Хасавюрт зайти, и мы это могли сделать, но нам было невыгодно это делать, так как наша задача состояла в том, чтобы создать угрозу захвата Хасавюрта, чтобы с этого участка, от Карамахи и Чабанмахи русские силы на себя оттянуть, чтобы окружение ослабить там. Этого тоже мы добились. И причем, очень много оружия и боеприпасов взяли. Как только карамахинцы из окружения вышли, мы тоже через день ушли из Новолакского района.

Поэтому, когда в такой ситуации кто-то говорит, что я «войну занес», это всего лишь разговоры. Тем более что мне нужды нет оправдываться. Все факты были налицо. Вот сейчас у всех на слуху село Бороздиновка, это граница Чечни с Кизлярским районом. Вот недалеко от этого села Бороздиновка, в пяти километрах от границы, у нас стоял пост. В июне 1999 года российские войска атаковали бронетехникой этот пост. В результате убили одного пограничника, 5 ранили, захватили этот пост. И до самой войны больше не уходили оттуда. Вот это прямая агрессия. Или взять там же в горах, на границе с Ботлихским районом у нас Шаройский район, где есть село Гуни, рядом с которым шла дорога в Ботлих. Русские 15 км участка этой дороги захватили, рядом высадили десант, и 5 чеченцев, которые ехали туда, убили. Потом всю весну и лето в Шелковском районе, в степях, на БТРах солдаты заскакивали и грабили кошары. И при этом говорили: «Мы скоро вам покажем!».

И все это закончилось в соответствии со словами Лукина, который в Хасавюрте, после заключения договора, сказал: «Ничего, мы лет через пять укрепим и покажем вам». Все так и случилось, все было подведено под эту цель. Просто, получается, что тот, у кого есть побольше информационной поддержки – тот и «прав». Но меня это особо не волнует.

Андрей Бабицкий: Тебе не раз приходилось отвечать на этот вопрос, но все-таки я его задам, потому что это самая болезненная тема для очень многих людей, что касается Беслана. Ты считаешь, что независимости от того, как ты оценивал, скажем, возможности этой акции и реакции Путина, ты считаешь, что можно было взять и подвергнуть угрозе жизнь детей и обречь их на сухую голодовку, то есть не давать им пить? У тебя нет ощущения, что несешь ответственность за их жизнь, может быть, разделяя ее с Путиным?

Шамиль Басаев: А зачем мне ее делить с ним? Ты, наверное, помнишь, как ты спросил у меня в Буденновске про слезу одного ребенка, и я тебе сказал: а как быть, когда на этой чаше слеза одного ребенка, а на той – тысячи слезинок, что мне с этими слезинками делать? Когда у нас официально более 40 тысяч детей убито, тысячами, десятками тысяч искалечено – про это кто-нибудь говорит?

Андрей Бабицкий: Дети несут за это ответственность?

Шамиль Басаев: Нет, дети за это ответственности не несут. А ответственность несет весь русский народ, который своим молчанием, согласием потакает агрессору, который бесчинствует в Чечне, и который собирает вещи для них, платит налоги, одобряет словом и действием. Они все несут ответственность. Пока к ним к каждому война не придет, то она не остановится в Чечне.

Я еще в январе 2004 года сделал официальное заявление, в котором сказал: Если Путин, как руководитель бандформирования, творящего геноцид в Чечне, если он объявит, что и его так называемая армия будет вести себя в соответствии с нормами международного права, то мы откажемся от всех подрывных и диверсионных акций на территории России, что мы будем воевать здесь, в Чечне, с этой армией. Но в ответ продолжались убийства и похищения чеченцев. И дальше – убийство Яндарбиева.

А Беслан, если говорить прямо, то я не ожидал такой развязки. Но в Беслане стоял вопрос: или отставка Путина, или остановить войну в Чечне. Если из этих двух требований одно выполняется, то после этого все люди отпускаются без всяких разговоров. Там вопрос по- другому не стоял. Зачем я это сделал – вот вопрос. Сделал, чтобы остановить убийство еще тысяч и тысяч чеченских женщин, детей и стариков, которых похищают и убивают. Ладно, у Доки Умарова 75-летнего отца увели, ладно, отец, пусть. А причем его тесть или шурина, 12-летний мальчик, которого они украли и убили? За что? Просто за то, что сестра этого мальчика вышла замуж за него. И причем тут его 6-месячный ребенок? Вот вопрос.

К тому же я не думал, что в Беслане будут маленькие дети, потому что в школе даже самым маленьким бывает по 6 лет. Там, напротив, детского сада я не видел. Мы схемы изучали, смотрели, и я план составлял. И я командиру Расулу сказал: когда все придут, Дзасохов там, Зязиков, чтобы он официальные условия наши им передал, и после этого всех до 10 лет отпустить, без всяких разговоров. Так было сказано. В том же «Норд-Осте» я Мовсару сказал: иностранцев отпустить. Но я понимал: как только они начнут их отпускать, то иностранцы могут «не дойти», а в их гибели обвинят их. И поэтому я им сказал: пусть каждый из иностранцев звонит в свое посольство, и как только к двери подъезжает машина за ними, тогда и отпускайте. Не дали выйти многим. При чем здесь я? Я делаю то, что я могу делать, то, что в моих силах. И в Чечне, и в России я пользуюсь методами, которые я приемлю, и я их выполняю. Но детей не убивал ни я, ни мои муджахиды детей не убивали: ни в Беслане, ни в «Норд-Осте». Это факт.

Андрей Бабицкий: Ты считаешь, что если не расстрелять на прямую, а просто поставить под угрозу жизнь детей это не значит участвовать в их убийстве?

Шамиль Басаев: Я не вижу другого пути, чтобы остановить геноцид в Чечне. Сегодня идет геноцид всего чеченского народа. Мне чеченский народ дороже всего остального мира, в первую очередь потому, что это мое родное. И чтобы остановить этот геноцид, я пойду на все. Но в рамках дозволенных мне моей религией. А Аллах в Коране мне говорит: «И воюйте против них так, как они воюют против вас, но не преступайте». Вот я и стараюсь не преступать. И я не преступал.

Андрей Бабицкий: А взорванные самолеты?

Шамиль Басаев: Может, они «сами взорвались», как у них недавно свет в Москве «сам отключился». А кто сказал, что они взорваны? Где факты, что они взорваны? Почему их обязательно взорвали, почему ты думаешь, что их не подбили с земли? А условия там были поставлены те же самые: остановить войну.

Андрей Бабицкий: Расскажи поподробнее. Они должны были захватить самолет?

Шамиль Басаев: Да. Они должны были захватить самолеты и поставить требование: остановить войну в Чечне. И не садиться, пока результата не будет. А они были сразу же сбиты. Я другой причины не вижу, потому что они не должны были просто так взорваться. Неприятный разговор получается. Можно подумать, что все это делается шахидами ради «спортивного интереса», как вид экстрима что ли.

Андрей Бабицкий: А в Тушино было такое ощущение. Там тоже, без всяких требований, девушки просто пришли и взорвались.

Шамиль Басаев: Нет. В Тушино требования были. Те же что и раньше: остановить войну в Чечне.

Андрей Бабицкий: Кем и когда они выдвигались?

Шамиль Басаев: Конечно же, они не встали там, в центре толпы, и не кричали о наших требованиях. Но между площадью и самолетами большая разница. В любом случае, они не должны были сразу самолеты взрывать. То, что они одновременно взорвались, это тоже интересно.

Андрей Бабицкий: Вот сейчас возникла такая пауза. Это значит, что ты или что-то новое планируешь, или решил на время «притормозить»?

Шамиль Басаев: Никаких «тормозов» не будет. Этого «тормоза», что за зиму по просьбе Масхадова мы устроили, нам хватит. Я планирую, посмотрим, инша Аллах! Мы всегда что-то новое ищем. Так не получилось – по-другому посмотрим. Но своего мы добьемся.

Андрей Бабицкий: На что ты рассчитываешь, ты все-таки думаешь, что посредством вот этих терактов можно будет вынудить к чему-то эту власть, к каким-то переговорам?

Шамиль Басаев: Мне не нужны переговоры с ними. Мне нужно, чтобы прекратился геноцид чеченского народа. И чтобы этот оккупационный сброд ушел из нашей республики. Мне нужна гарантия, что завтра наше потомство, как в 1944 году, в Сибирь не вышлют. Нам независимость для этого нужна. Весь мир практически признал, что это был геноцид, тогда, в 1944 году. Ладно, не будем говорить о сегодняшнем геноциде. Сейчас со стороны Руси идет колониальная война. Это не «война с террором». Русисты – сами террористы. С нашей стороны идет национально-освободительная война. Нам пытаются навесить ярлыки, как угодно они это делают...

Андрей Бабицкий: Эту войну ты называешь национально-освободительной?

Шамиль Басаев: А чем еще ты ее называешь?

Андрей Бабицкий: Ну, я думаю, есть еще и религиозное начало.

Шамиль Басаев: В первую очередь, для меня это – борьба за свободу. Потому что свобода первична. Если я не свободен, то я не смогу по вере жить, в моем понимании. Шариат вторичен. Но я хотел бы договорить о ярлыках.

Когда подорвали поезд Грозный-Москва, все российские СМИ сразу сказали: «диверсия». Никто не говорит: «теракт». А если случайно, не дай Бог, что-то другое случится, если стекло на витрине любой чеченец побьет, то сразу же скажут: «теракт». А тут они знают, что подорвали не чеченцы, и поэтому говорят: «диверсия». Вот они – двойные, тройные стандарты. Но от того, что они мне эти правила навязывают, это не значит, что я должен играть по их правилам. У меня своя дорога, своя цель, и я к этой цели буду идти.

Андрей Бабицкий: Скажи, пожалуйста, если выйдут российские войска, чего ты добиваешься, к кому должна перейти власть и как, вообще, будет устроено чеченское государство?

Шамиль Басаев: Я сразу вспомнил слова «власть принадлежит народу». Я за власть никогда не боролся и не стремился к власти. Я всегда боролся за справедливость и стремился к справедливости.

Андрей Бабицкий: Мне казалось, что ты в свое время пытался стать президентом.

Шамиль Басаев: Я президентом пытался стать потому, что видел, и мои товарищи видели, тот хаос, который три года у нас был после первой войны. Мы это видели и пытались остановить это. Потому что у меня бы хватило решительности, – я тогда прямо говорил про это, – если надо, то воевать против чеченцев. Ни Масхадов, ни Яндарбиев к этому не были готовы. И от этого пошло. Да плюс к тому еще и конкретная работа российских спецслужб. Не зря Степашин тогда сказал, что они за три года подготовили 40 тысяч своих агентов в Чечне. Официально говорил об этом. Плюс еще в 1998 году на будущий 1999 год в бюджет России была заложена эта война. Вот это факты. А теперь, давай будем говорить о том, кто на кого напал и как я «войну в Чечню привел», когда Россия еще за год до ее начала в бюджет заложила расходы на эту войну. Мы фактами будем говорить или домыслами?

Андрей Бабицкий: Факт таков, что ты дал очень хороший повод для этого.

Шамиль Басаев: Я не давал повода. Я хоть на минутку, но опередил. Просто, я не сидел как баран. Было ясно, что началась война, и она шла. А люди не видели этого. Почему? Потому что все были заняты своими мирскими делами. Я не занимался этим. Я следил за войной, смотрел. Я еще в 1994 году, в феврале месяце, знал, что осенью война будет. Не потому, что я провидец, а потому, что я следил за этим. И когда в России объявили, что удваивают весенний призыв, – при общем сокращении российской армии, – было ясно видно, что Россия собирается на кого-то через полгода напасть. А на кого они еще могли напасть? Только на нас. И опять же, что началось летом 1994 года в Минводах – захваты вертолетов и прочее. Опять, как приманку, один вертолет с деньгами «упустили», со вторым еще они концерт устроили, а про третий вертолет Дудаев сказал: на территорию Чечни не пускать. И дал приказ сбить без всяких разговоров. Тогда в Минводах устроили захват: сожгли вертолет и людей убили. Но в итоге опять же налицо то, что «чеченцы не могут свободно жить». Они и поезда грабят. А поезда грабил кто? Да тот же Ямадаев Русик и его банда грабили поезда в Гудермесском районе. Сегодня он в Госдуме заседает. Вот так это все работает. А вот Дениев Адам и его люди, твои «друзья»-похитители, я и раньше говорил: у него банда была, которая грабили и убивали людей. Кого смогли, мы из них еще в 1998-1999 году уничтожили. Кто-то из них убежал в Москву, потом они с русскими вернулись. В эту войну мы многих их убили вместе с Дениевым.

Андрей Бабицкий: Скажи, пожалуйста, ты второй по разыскиваемости террорист в мире. Как тебе удается в течение такого долгого времени оставаться в живых?

Шамиль Басаев: Во-первых, я не второй, и, во-вторых, не разыскиваемый. Я сам их ищу, этих террористов, по всей России. И буду их искать и уничтожать, и буду находить и наказывать. И не надо мне это говорить.

Андрей Бабицкий: Я почему спрашиваю. Очень много людей задаются вопросами типа: «Как это так – Басаева не могут поймать? Что это, заговор? Он работник ГРУ?» Масса таких версий.

Шамиль Басаев: Я прямо на это отвечаю. Вот недавно мне один человек говорил, что на базаре слышал разговор: мол, русские могут поймать, но не ловят Басаева. Таким людям я говорю: «Вы – животные, а если

нет, то вы говорите неправду. Если же говорите правду, то вы животные, самые настоящие рабы». Это я о россиянах. Если россияне уверены, что я «работаю» с их спецслужбами, и при этом позволяют устраивать резню, геноцид народа и молча соглашаются с этим, то они – самые настоящие рабы. И с ними вполне можно так обходиться. А если они понимают, что это неправда, то лучше признать свою трусость, свое малодушие. Потому что любой нормальный человек обязан стать на сторону справедливости. Но если человек признает: да, чеченцы борются за справедливость, – то встает вопрос: а почему ты сам не встаешь на их сторону, на сторону справедливости?

Андрей Бабицкий: Я не верю, что за тобой не ведется охота постоянно, и что тебе не приходится как-то выходить из сложных ситуаций.

Шамиль Басаев: Если честно, то я не чувствую за собой никакой охоты. Я воюю. Я нахожусь на войне. В любой момент я могу умереть на этой войне. Вот, например, в этом году у меня два раза была возможность умереть: меня дважды травили. Просто мой срок еще не пришел. Вот когда придет мое время, тогда я умру без всякой российской армии и без всего этого мира. Все в руках Всевышнего. Если Аллах предписал мне умереть в определенный час, то я умру, и никто не может это изменить. Если же мне предписано что-то хорошее, то и это сбудется, и никто не сможет этому помешать.

Андрей Бабицкий: Вообще-то Рамзан Кадыров обещал укоротить твой срок.

Шамиль Басаев: А кто такой Рамзан Кадыров? Я до 2001 года вообще не слышал такого имени – Рамзан Кадыров. Я, как и другие, знал Люлю Кафырова. «Люлю» по-чеченски означает «мундштук». Человека, которого зовут «мундштуком», имеет соответственную цену и место. Он может говорить что угодно. По такому поводу у нас в Чечне говорят: «поросята хрюкают, а Джихад идет». Пускай этот поросенок хрюкает себе. И мы еще посмотрим, кто кого убьет. Единственное с чем я был согласен с его отцом, так это с лозунгом, который он выдвигал: «Пусть восторжествует правда». Вот с этим я согласен.

Андрей Бабицкий: Среди его людей много тех, кто раньше воевал на этой стороне. Не означает ли это, что подразделения Кадырова более эффективны? Поскольку лучше знают обстоятельства, место и людей?

Шамиль Басаев: Если честно сказать, то они никогда не воевали на нашей стороне. Тот же Кадыров – где он воевал? Покажи мне хоть одно место, где он воевал. Есть среди них люди, которые бегали вокруг первой и второй войны. Люди бывают разные: кто-то по складу характера, кто-то по степени богобоязненности. Аллах создал нас разными. Многих насильно заставили войти в их ряды. А многие пошли туда в надежде обрести там мнимую защиту от российского беспредела. Но они уже как собаки на цепи, поводок уже не пускает. Вот такой процесс происходит.

А то, что они «хорошо воюют»... Мне очень хотелось бы, чтобы все российские войска в количественном составе заменялись такими вояками как они. Нам было бы легче воевать и удобно. Самое плохое в этом то, что так называемый «процесс чеченизации» из-за этих тварей успешно используется нашими врагами. Сейчас про геноцид и беспредел, устраиваемый в Чечне российским сбродом, никто практически не говорит. Хотя 60 процентов похищений, убийств и внесудебных казней на счету российских войск. А остальные 30-40 процентов – на кафыровых, ямадаевых и прочих. Но по российской «рекламе» – все 100 процентов на них. Они свою работу делают. И именно про них когда-то Ермолов сказал, про кафыровых, которые поставили ему памятник в Науре: «Эти чеченские милиционеры – самая ненавидимая нами и ничтожнейшая часть разбойничьего чеченского общества. Мы используем их лишь для того, чтобы сеять между ними вражду и рознь». Вот эти слова и говорят об их, так называемой «воинской доблести и геройстве». Они, я считаю, не достойны обсуждения. Это пустая трата времени, лучше поговорить о другом.

Андрей Бабицкий: Вот ты цитировал слова из Корана, где сказано, что ты не можешь перейти границу. Где для тебя граница, которую ты не можешь переступить?

Шамиль Басаев: Эта граница определяется моим врагом. То, что он делает, то и я могу делать в ответ. Но это не значит, что я должен это делать. Поэтому, в частности, Докку Умаров, например, этого не делает. Они могут это делать, но не делают. Я могу, я делаю. Это не значит, что я такой смелый, если я могу это делать. Нет. Я боюсь Аллаха. Я боюсь ошибиться, и мне не безразлично, что получается или не получается. Я повторюсь: мне мой народ дороже всего остального мира. Если ставить на эту грань. Если меня есть за что наказывать, за справедливое возмездие, то я готов ответить.

Да, я сам убиваю чеченцев, национал-предателей, которые преступают наши законы, и которые повинны в геноциде нашего народа. Я их убиваю, и приказываю своим муджахидам их уничтожать. Чеченцы – тоже

разные. Я еще раз говорю: в любом обществе, в любом государстве должен быть справедливый суд. И устраивать геноцид и внесудебные казни нельзя. И все это из-за того, что у России есть атомная бомба, которой у меня пока нету. Для меня это ничего не значит. Меня это не остановит.

Андрей Бабицкий: Какие чувства ты испытывал после Беслана?

Шамиль Басаев: Если честно, то я испытал шок. Клянусь, я не ожидал этого. Самое главное: от Дзасохова не ожидал этого. Я был хорошего мнения о нем. Я думал, он самостоятельный человек, потому что, смотря на его поведение, я думал, что он человек с достоинством. А сейчас говорить о нем непредвзято не получается. И второе: я не думал, что Путин такую кровожадность проявит. Потому что даже в самом жестком варианте, если продумать, чтобы у них не было возможности оттянуть там время или что-то придумать, вроде использования варианта с газом, как в «Норд-Осте», я думал, что хоть против детей они не сделают это. К тому же, я думал: чем острее эта боль, тем она быстрее дойдет до людей. Но... пока не дошла.

Андрей Бабицкий: А вот акции, аналогичные Беслану, «Норд-Осту», они могут повториться?

Шамиль Басаев: Конечно, могут. Пока идет геноцид чеченского народа, пока идет этот беспредел, все может. Ну ладно, я плохой, я – террорист, я – бандит... Ну, вот смотри, что они сейчас сделали в Бороздиновской. Там проживают дагестанцы. Это нейтральные люди. У нас там, рядом в лесах, были свои базы, как и в остальных лесах, а их много по Тереку. Там лесника убили мои муджахиды. Еще в прошлом году этот лесник вывел две российские группы на наши базы, из-за чего погибло трое муджахидов. Ну ладно, лесника уничтожили: так пойдешь в лес, поймай этого чеченца, но зачем сжигать 75-летнего старика- аварца? По какому это закону? Ладно, я террорист, а кто они тогда после этого?

Если они, эти убийцы – «установители конституционного порядка», если они – «антитеррористы», то я плевал на все эти установки, на все термины! И на весь мир я хочу плевать, если он плюет на меня! Ну, если этот мир мне говорит: вот – закон, вот – норма, давай договоримся их соблюдать. Я согласен, я готов соблюдать. Но пусть и мой враг соблюдает! Сегодня под нос всем суют так называемое международное право. Мы придерживаемся его. Мы сегодня заявляем и всегда заявляли: пусть враг придерживается этого международного права.

Хотя Масхадов, например, всегда этого придерживался, но они ему всегда ярлык «террориста» вешали. Как Дон Кихот он был. Ну, что получилось в итоге? Семья Масхадова просила вернуть им останки. Но его труп забрали и не отдают родным для захоронения, как труп «террориста». Так дело не в этом. Просто они боялись, что на его могилу будут приходить люди.

Если говорить о законе, то те же огнеметы, что в Беслане по школе стреляли, до сих пор в чеченские дома, ингушские, кабардинские, дагестанские дома стреляют, несмотря на то, что есть там дети, женщины. Где эти спецслужбы, которые могут работать? Хваленые «Альфа» и остальные. Нету их, понимаешь? Они могут лишь безоружную толпу людей дубинками и пулеметами разогнать. Там они вояки. А сегодня, когда танк приводят? А танк по закону нельзя применять против мирных людей, женщин и детей, но они это задним числом сейчас узаконили. Танк – это вооруженная сила, при армии, а они применяют его внутри государства. Если они называют себя государством, что это такое?

Ладно, я извиняюсь, злой я сегодня немножко, не спал прошлую ночь, наверно поэтому.

Тоже вот интересно: они говорят, что Россия «неделима», а Чечня – «часть России». Вроде как они заботятся о нас. Ну, а где факты этой заботы? Вот смотри: за эти шесть лет, что они такого в Чечне построили, что отремонтировали? Где восстановленные заводы, фабрики, стройки? Ничего нет. А так кто делает? Только временщик. Они знают, что рано или поздно им придется оставить Чечню. Просто сейчас они на волне. Как говорится на блатном – «бабки срубают», от генералитета до Путина. Не надо смотреть на слова, надо смотреть на дела. Я привык смотреть на дела. А дела такие, что нет ничего.

Говорят, в Чечне у нас бюджет. Так это ворованная наша нефть. 51 процента Роснефти отдали, еще куда-то отдали, плюс налоги. Отсюда забирают нефть, продают, потом часть денег, – не все, – отдают обратно, и еще говорят: Чечня много просит. И наши шавки, что сидят у кормушки в Грозном, просят их чуть удлинить им цепочки: мы, мол, хорошие жучки. Где хоть один факт? Нет никакого строительства, нет ничего такого. Даже что мы до войны делали, когда цены за тонну нефти раз в восемь, наверное, ниже были чем сейчас, – даже тогда мы сделали больше по восстановлению разрушенного хозяйства, чем они сейчас.

Андрей Бабицкий: Что сегодня из себя представляет чеченское вооруженное подполье? Вот тебя называют центральной фигурой, которая имеет реальную власть над всеми воюющими подразделениями. Это

действительно так?

Шамиль Басаев: У нас сегодня реальную власть имеет любой муджахид. Потому что у нас самая настоящая демократия, которая должна быть. И принцип совещательности у нас присутствует. И я власть имею, потому что я военный амир. Сегодня, если говорить о чеченском Соппротивлении, это не «подполье». Потому что у нас не то чтобы в городе подполье, у нас в горах крупные отряды и мы никогда не покидали горы и леса, и круглогодично идет война. У нас есть штабы, и мы работаем. Сегодня это – налаженная система (алхьямдулиЛлах!), которая, можно смело сказать, может спокойно существовать десятки лет вот в таком автономном режиме. И самая наша большая заслуга, заслуга именно амиров, и в первую очередь Масхадова (Шахид, инша Аллах!), в том, что наши подразделения сегодня мобильны, автономны, независимы. Каждое подразделение может автономно существовать и может и год автономно работать. Потому что задача перед ним с перспективой на год, на десять лет поставлена. Это – наносить максимальный урон врагу и максимально стараться обезопасить свои подразделения и свои силы. С этим они успешно справляются. Нападать в своем секторе где угодно и как угодно, но когда выгодно этой группе.

Андрей Бабицкий: Ты можешь как-то спрогнозировать события в России и, в частности, как будет развиваться конфликт на Кавказе?

Шамиль Басаев: Я не хочу быть провидцем. Гадать не умею. Но сегодня (алхьямдулиЛлах!) мы много работаем над тем, чтобы помочь и другим закабаленным народам Кавказа и всей Русни освободиться от российского ига. И я очень рад, что как к чеченцам, так и к представителям других народов, пришло ясное понимание того, что только сообща, только совместными усилиями можно освободиться от многовекового колониального рабства, от зависимости России, и обрести свободу. Этой цели посвящена часть моей работы.

Андрей Бабицкий: Джамааты по соседним республикам, не только по республикам Северного Кавказа это серьезная сила по твоей оценке?

Шамиль Басаев: Серьезен даже просто один человек, если он знает, что ему нужно и как это делать. Не говоря уже о целых джамаатах. Когда говорят «джамааты», то подразумевают их как единую цельную структуру. А джамааты бывают разные. Это слово переводится как «община», любая группа мусульман – это джамаат. И наше преимущество сегодня в том, – именно чеченского руководства, – что все мусульмане России и Кавказа, хотят они того или не хотят, по Шариату обязаны нам помогать и подчиняться, пока идет война. И мы этим пользуемся для блага всех. И результаты (иншаАллах!) будут.

Андрей Бабицкий: Хорошо, а все-таки, конфликт в Чечне – какое он будет иметь разрешение?

Шамиль Басаев: Это не конфликт, а национально-освободительная война. Мы боремся за свое освобождение от колониальной зависимости. А результат я вижу: конечно, это – свобода и независимость нашего народа, нашего государства.

Андрей Бабицкий: Когда и с кем можно будет договариваться?

Шамиль Басаев: С кем – не столь важно, главное – освободиться от российского ига. Я уверен: в самом недалеком будущем, примерно через 2 или 3 года, мы освободимся от этой оккупации (иншаАллах!). А с кем договариваться – не так важно. В руководстве Русни все равно всегда стояли и стоят марионетки. Для нас главное – обрести свободу. И для нас не так важно, будет Русня единая или будет она разделена на десятки или сотни частей, это не так важно. Нам, в первую очередь, важна наша свобода и независимость, именно для того, чтобы гарантировать нашему народу, что не будет повторен геноцид 1944 года, и прежних лет, и сегодняшний геноцид. Сохранить наш народ от той деградациии, к которой ведет нас Русня вслед за собой. Что нас в России ждет?

Андрей Бабицкий: А ты не предполагаешь, что есть значительная часть чеченцев, я даже не имею в виду тех, кто сегодня сотрудничают с властями промосковскими, которые не сделали еще своего выбора, которые боятся того, что придут «люди из леса» и возьмут власть в свои руки, и им кажется, что будущее может быть за Россией и, что это может оказаться значительная группа населения, просто мы не знаем этого. Просто нет инструментов измерения на сегодняшний день.

Шамиль Басаев: Есть инструменты. У любого человека должна быть позиция. И сегодня, в первую очередь чеченец не может быть нейтральным. Если он мусульманин, если он мужчина, он не может быть нейтральным. Или он мусульманин, или он неверный. Другого не дано. Потому что сегодня его долг по закону – защищать свою Родину. Пусть даже это Басаев «начал войну», – суди меня по закону, накажи меня, но он должен воевать. То, что сегодня кафыровы и другие шавки говорят, что они там «с ваххабизмом борются». На

это яркий пример показали наши братья, которые участвуют в этой войне, и которые с джамаатами дрались до этой войны. Когда пришла война, они вместе вышли против агрессора.

Например, «Маленький» Асланбек (Шахид, инша Аллах!). До первой войны он был с Гантамировым, в оппозиции. Самым ярким среди них был. Меня предлагал убить, и амиров. Видя нерешительность Гантамирова и его сторонников, сказал им: «Если надумаете воевать, то позовете, я буду дома». Когда война началась, когда он увидел российские танки на нашей земле и на их броне чеченских предателей, он в один день все понял и вышел воевать против них. Вот, когда люди говорят «оппозиция», надо понимать, что у нас оппозиции не было никогда. Если кто и был в оппозиции, так это я. В свое время я был в оппозиции и Дудаеву, и Масхадову. Но те, остальные, Гантамиров и другие, которых до первой войны называли «оппозицией», это не оппозиция, это – предатели. Оппозиция бывает в свободном государстве, у свободных людей. Они же – российские граждане, и они никак не могут быть «оппозицией» у нас.

Понимаешь, путать этот термин нельзя. У многих людей искажено мировосприятие. Они не видят реальной жизни, потому что людям не дают даже времени реально смотреть на мир. Есть же такая вещь – логика. Где отсутствует логика, там всегда будет хаос. И сегодня можно говорить что угодно, но судить надо по делам. А дела говорят о том, что сегодня здесь идет национально-освободительная борьба за свободу и независимость. И о том, что, пытаясь сегодня удержать нас в империи, Россия устроила открытый геноцид нашего народа, и это идет с молчаливого согласия мирового сообщества, а иногда – с одобрением и с лицемерной «озабоченностью». Если сегодня, как говорится, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», то мы за это спасение сами и принялись. Но в то же время: почему мы, спасая себя в одиночестве от уничтожения, должны что-то объяснять, доказывать кому-то? Если тратить на это время, то мы его много потеряем, а потерянное время для нас обернется многими человеческими жертвами.

Андрей Бабицкий: Кстати, сколько Соппротивление потеряло моджахедов за годы войны?

Шамиль Басаев: Я, как военный амир, веду подсчеты. У нас с 1999 по март 2000 года было приблизительно 2300 погибших муджахидов; за весь 2000 год – 375; в 2001 – около 300; в 2002 – примерно 200, а в 2003 и 2004 годах – по 180-190 погибших за год.

Андрей Бабицкий: Какова в целом численность Соппротивления? Дело в том, что называют разные цифры – от полутора до двух тысяч.

Шамиль Басаев: Так много? Недавно говорили – 20 человек. Я знаю точную численность, но не могу этого сказать. Сегодня воюет весь чеченский народ, потому что, если бы весь народ не воевал, те несколько тысяч муджахидов, которые рассредоточены по горам и городам, ничего не смогли бы сделать. Несмотря на сегодняшнюю жестокость и зверства русистов, весь народ воюет. Но я скажу, что сегодня у нас шесть фронтов и 35 военных секторов. Дальше сам думай. В каждом секторе – от десятка до пары десятков групп. Это штатная структура чеченских Вооруженных Сил.

Андрей Бабицкий: Последний вопрос. Как ты оцениваешь нового президента Чеченской Республики?

Шамиль Басаев: Я его не оцениваю. Потому что оценивать нужно новичков, которых не знаешь. Я его принимаю, и принял всей душой. И знаю его с самой хорошей, положительной стороны. Я его знаю минимум лет 10.

Андрей Бабицкий: У вас с ним были разногласия?

Шамиль Басаев: После гибели Масхадова, у нас было с ним небольшое разногласие по поводу того, кто должен быть президентом. Он считал, что я должен быть президентом, а я считал, что он должен быть, чтобы соблюдать закон и договоры. Вот только это разногласие у нас было.

Андрей Бабицкий: Может, это и к лучшему, что ты не стал президентом?

Шамиль Басаев: Почему к лучшему? То, что теперь, это и есть лучшее. Для меня, по крайней мере. В первую очередь – я свободен. Если бы я был президентом, мне пришлось бы от многого отказаться, многое стерпеть, во многом себе отказать. А сейчас я могу делать то, что я не смог бы делать, будучи президентом. Во-вторых, это очень большая ответственность. А та ответственность, которая сейчас на мне лежит, – и то мне через край. Я воюю не ради власти. Вот и все. А ему я пожелал достойно пройти по пути наших первых президентов, и не сойти с этого пути. И я уверен в том, что он никогда не свернет. За это я спокоен. Для нас, если мы искренни перед Аллахом, искренни в своей борьбе, не столь важно, кто идет впереди. Главное – чтобы была достигнута наша цель, и чтобы мы вместе шли к этой цели.

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)